

3. **Брокгауз Ф. А.** Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/14/. – Загл. с экрана.
4. **Левицкий В. В.** Семасиология : монография / В. В. Левицкий. – Изд. 2-е, исправл. и дополн. – Винница : Нова кн., 2012. – 680 с.
5. **Москвин В. П.** Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопр. языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–67.
6. **Россова А. В.** Эвфемизм / А. В. Россова // Речевое общение. Вестн. Рос. риторич. асоц. / под ред. А. П. Сквородникова. – Красноярск, 2000. – Вып. 1(9). – С. 96–99.
7. **Сеничкина Е. П.** Эвфемизмы русского языка : спецкурс : [учеб. пособие] / Е. П. Сеничкина. – М. : Высш. шк., 2006. – 151 с.
8. **Cruse D. A.** Hyponymy and its varieties / D. A. Cruse // The semantics of relationships: An interdisciplinary perspective [ed. by Rebecca Green]. – The Netherlands : Kluwer Academic Publishers, 2002. – P. 3–21.
9. **Evans V.** How words mean: Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning Construction / V. Evans. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 400 p.
10. **Holder R. W.** Dictionary of euphemisms / R. W. Holder. – Oxford University Press, 2008. – 412 p.
11. **Keyes R.** Unmentionables / R. Keyes. – London : John Murray Publish, 2010. – 342p.
12. **Lakoff G.** Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1986. – 632 p.
13. **McMillan English Dictionary.** New Edition. – Oxford : McMillan Education, 2008. – 1745 p.

Надійшла до редколегії 03.02.15

УДК 81.367.622

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ РУССКИХ СУБСТАНТИВАТОВ

Рассмотрен один класс субстантивированных адективов, в основном прилагательных и причастий, в плане возможности их функционирования в качестве стержневых слов соответствующих субстантивных словосочетаний. Введено понятие эмотивного субстантивата как эмоционально нагруженной лингвистической фигуры. Указано, что сочетаемостные возможности такого субстантивата существенно отличаются от аналогичных возможностей как собственно существительных, так и собственно прилагательных, а также причастий, и что эти отличия обусловлены определёнными экстралингвистическими факторами, связанными с обстановкой и условиями коммуникации.

Ключевые слова: субстантиват, парадигма, редукция, стержневое слово, субстантивное словосочетание, сочетаемостные возможности, экстралингвистический фактор.

Меньшиков И. И. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ОСОБЛИВОСТІ СИНТАКСИЧНОЇ СПОЛУЧУВАНОСТІ РОСІЙСЬКИХ СУБСТАНТИВАТИВ

Розглянуто один клас субстантивованих ад'єктивів, в основному прикметників та дієприкметників, щодо можливості їх функціонування як стержневих слів відповідних субстантивних словосполучень. Введено поняття емотивного субстантивата як емоційно навантаженої лінгвістичної фігури. Вказано, що можливості сполучуваності такого субстан-

тивата істотно відрізняються від аналогічних можливостей як власне іменників, так і власне прикметників, а також дієприкметників, і що ці відмінності обумовлені певними екстралінгвістичними факторами, пов'язаними з обставинами та умовами комунікації.

Ключові слова: субстантиват, парадигма, редуція, стрижневе слово, субстантивне словосполучення, можливості сполучуваності, екстралінгвістичний фактор.

Menshikov I. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **PECULIARITIES OF THE SYNTACTIC CORRESPONDENCES OF RUSSIAN SUBSTANTIVISED WORDS**

The article deals with one very expanded class of substantivized adjectives, mainly adjectives and participles, as for the possibilities of their functioning as basic words of the correspondent substantive word-combinations. The notion of the emotive substantivized words as the emotionally loaded linguistic figure is introduced. It is indicated that combining possibilities of the mentioned substantivized words as the noun are significantly different from the similar possibilities, and conventionally said, of actual nouns the same as actual adjectives, and the participles as well, and these variations are dependent on the definite extralinguistic factors, that are connected with the obstacles and conditions of the communication. The specificity of the emotive substantivized words includes first of all the fact that emotive substantivized words in the natural communicative conditions differently to the other adjectivized formations are not corresponded with contactives. Secondly, emotive substantivized words, as a rule, are not used with the adjectives and participles of the emotive character. Limited also are combinative possibilities of the emotive substantivized words with some other adjectives, which point the feature that is less substantial, then it is mentioned in the substantivized word.

Key words: substantivized word, paradigm, reduction, emotive substantivized word, basic word, substantive word-combination, combining possibilities, extralinguistic factors.

Субстантивация по сути своей является во многих языках одним из частных случаев перехода одной части речи в другую, названного Л. Теньером трансляцией [7, с. 375] и соотносящегося также, по И. Р. Выхованцу, с термином транспозиция [8, с. 638]. В современном русском языке субстантивация – явление обычное и весьма продуктивное, причём продуктивное не только в сфере собственно словообразования, но и в речетворчестве вообще, при различного рода функционально востребованных переходах тех или иных частей речи в существительное. Это, например, отмечено в Полном словаре лингвистических терминов Т. В. Матвеевой, показавшей самую общую и в то же время очень простую схему функциональной субстантивации, схему типа *твоё завтра зависит от многих причин* [2, с. 467], являющуюся своего рода моделью, которая позволяет как минимум теоретически перевести в имя существительное не только любую часть речи, но и любую отдельную словоформу (*твоё постоянное перестань мне уже надоело*), а также практически любую синтаксическую конструкцию (*твоё постоянное как я устала мне уже надоело*). Описано лингвистами и поле функционирования субстантиватов, в частности субстантивированных прилагательных, связанное с обозначением людей (*взрослый, учёный*), различных помещений (*душевая, столовая*), официальных бумаг и документов (*накладная, премиальные*), блюд, лекарств (*горячее, снотворное*), некоторых отвлечённых понятий (*будущее, старое*) и др. При этом противопоставлены полная субстантивация, при которой субстантиват сам по себе уже не функционирует в качестве производящего парадигматического класса слов (*портной, дневальный*), и субстантивация неполная, когда возможность функционирования соответствующей словоформы как начального конструкта не утрачена (*военный, взрослый*) [6, с. 627–628]. Последняя дихотомия в первой своей части имеет, правда, свои нюансы.

При полной субстантивации субстантиват как некая грамматическая категория не является лингвистическим эквивалентом существительного как части речи, и учёные, в частности, отмечают, что на морфологическом уровне структу-

ры языка у субстантиватов имеет место сокращение состава их парадигмы: некоторые из этих субстантиватов, например, имеют только один род (*приёмная*), некоторые – только форму множественного числа (*наличные*) [5, с. 45]. И в этом плане даже осуществлена дифференциация прилагательных и причастий как наиболее частых субстантиватов, формально имеющих категории рода и числа, по соответствующим грамматическим значениям и формам, в том числе и с учётом эллиптической субстантивации [1, с. 159–161]. Указано также, что при субстантивации большинства частей речи у соответствующих производных категория рода маркируется только сопутствующими им адъективами или глаголами, которые, в свою очередь, употребляются лишь в форме среднего рода [3, с. 467]. Субстантиват, таким образом, если и является именем существительным, то существительным особого рода, существительным специфическим, тем более, что есть ещё один, недостаточно изученный, но очень интересный, с нашей точки зрения, аспект рассматриваемой проблемы, касающийся синтаксиса субстантивированных прилагательных, причастий и адъективных местоимений при обозначении ими некоего человека, лица или множества лиц в соответствии с теми или иными его/их признаками, особенностями, родом деятельности, отношением к нему/к ним со стороны окружающих. Описание подобных субстантиватов и явилось **целью** проведенного исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

В «Грамматике современного русского литературного языка» зафиксирован целый ряд отадъективных субстантиватов и наполненных ими лексико-семантических групп типа *больной, пеший...*; *рулевой, участковый...*; *встречный, ссыльный...*; *управляющий, заведующий...*; *пострадавший, бежавший...*; *обвиняемый, подозреваемый...*; *подчинённый, убитый...*; *каждый, свой...* и др. [1, с. 159–161]. При этом каких-то принципиальных ограничений на сочетаемостные возможности такого рода существительных не отмечено (их для большинства субстантиватов, как и для субстантивов и адъективов вообще, по-видимому, нет [4, с. 26–28]), и любому из приведенных производных в принципе может сопутствовать не только тот или иной адъектив, но и распространённое определение, и несогласованное определение, и определение предикативное, включая, разумеется, и некую комбинацию указанного. Например: *этот больной; надёжный рулевой; первый встречный; управляющий, не знавший своих прямых обязанностей; пострадавший в ДТП; обвиняемый, которому нечего предъявить; мой прямой подчинённый по службе, который учился во Франции* и т. п. Большинство из соответствующих классов субстантиватов может сопровождаться и каким-то общим апеллятивом в виде контактива типа *гражданин, господин, милостивый государь, товарищ* и др. И нам мало что было бы сказать о синтаксисе субстантиватов, если бы не существование ещё одного класса отадъективных образований с эмоциональной, главным образом позитивной, коннотацией. И вот небольшой фрагмент соответствующего множества лексем, часто употребляемых как при устном, так и при письменном общении: *бесподобный, возлюбленный, восхитительный, глупый, добрый, дорогой, единственный, жестокий, любезный, любимый, маленький, милый, ненаглядный, негодный, несчастный, обожаемый, очаровательный, почтенный, родной, светлый, уважаемый (высокоуважаемый, глубокоуважаемый, многоуважаемый), хороший*.

Назовём компоненты такого множества эмотивными субстантиватами и укажем сразу же, что они и подобные им производные от адъективов весьма избирательны в своих синтаксических связях и функционируют в качестве стержне-

вых слов соответствующих субстантивных словосочетаний лишь с очень узким кругом слов, детерминирующих указанные субстантиваты, хотя – ещё раз обратим на это внимание – в системе всех девяти знаменательных парадигматических классов слов, которые в принципе могут быть определяющими (существительное, прилагательное, субстантивное местоимение, адъективное местоимение, причастие, числительное, наречие, деепричастие, инфинитив), ни существительное, ни какой-либо из адъективов, и в частности прилагательное, будучи синтаксической доминантой, в своих сочетаемостных возможностях на уровне частей речи ничем не ограничены.

Субстантиват как некий класс слов, совмещающий определённые свойства субстантива и адъектива, в том числе и субстантиват из приведенного нами выше множества лексем, не должен по логике вещей в своих синтаксических потенциях быть менее активным, чем, условно говоря, собственно существительное или собственно прилагательное. Реалии, однако, совершенно иные, и вот самое, на наш взгляд, существенное.

1. Эмотивные субстантиваты в естественных условиях коммуникации не сопровождаются в отличие от большинства иных отадъективных производных конструктивами. Есть, например, *товарищ участковый*, *господин управляющий*, *гражданин пострадавший*, но вряд ли будет функционировать что-нибудь вроде *товарищ дорогой*, *милостивый государь любимый*, *госпожа очаровательная*, *сударыня родная* или *коллега уважаемый*.

2. Эмотивные субстантиваты, как правило, не употребляются с прилагательными и причастиями эмотивного же характера. Есть *бесподобная*, *глупый*, *любимый*, *милый*, *почтенный*, *родной* и др., но не принята, особенно, как это отметила Е. К. Куварова [2, с. 143], в вокативных образованиях комбинаторика типа *глупый бесподобный*, *милый любимый*, *родной почтенный*, *бесподобный родной*, *любимый почтенный* и т. п.

3. Ограничены сочетаемостные возможности эмотивных субстантиватов и с иными адъективами. Трудно представить себе реальные обстоятельства общения с использованием таких, скажем, конструкций, как *большая восхитительная*, *оставший добрый*, *новый жестокий*, *целесообразная маленькая* или *второй негодный*. С большинством же субстантиватов неэмотивного характера все эти, как и многие другие, адъективы сочетаться могут.

Единственный класс слов, который может функционировать в качестве определяющего любого эмотивного субстантивата, в том числе и в вокативных конструкциях [Там же], – это притяжательное местоимение, но и здесь имеются свои нюансы, связанные с синтаксической позицией соответствующего отадъективного производного. Все притяжательные местоимения сочетаются с эмотивным субстантиватом тогда, когда он занимает позицию какого-либо члена предложения, в том числе и в вводных или вставных конструкциях: *Он знаком с моим (твоим, своим, нашим, вашим, его, её, их) ненаглядным*; *Эту задачу, по мнению моей (твоей, своей, нашей, вашей, его, её, их) возлюбленной, он не решит*). Если же эмотивный субстантиват выполняет функцию обращения, то сопутствовать ему могут только два местоимения: *мой* и реже – *наш*. И это естественно, потому что при прямом обращении так или иначе актуализируются отношение к собеседнику или адресату именно обращающегося. Типично, например, *милый* и *мой милый* или *дорогой* и *дорогой наш*. Другие же местоимения (*милый твой*, *ваш милый* или *дорогой свой*, *её дорогой*) здесь просто абсурдны.

Мы видим две основные причины, обуславливающие описанные сочетаемостные ограничения в конструкциях с эмотивным субстантиватом в качестве синтаксической доминанты, и обе они носят главным образом экстралингвисти-

ческий характер. Первая причина связана с тем, что практически любой персонифицирующий субстантиват является по сути эллиптированным словосочетанием, в котором опущен его стержневой компонент, и опущен он, как правило, в силу своей функциональной избыточности, а зачастую и по причине отсутствия адекватного определяемого, как, например, у субстантиватов типа *дневальный, заведующий, командующий, обвиняемый, пеший, пожарный, рулевой, ссыльный, заведующий, дневальный* и т. п.

Эмотивный субстантиват – это тоже некий эллипсис, но обусловлен такой эллипсис не избыточностью опущенной синтаксической доминанты, которая, как правило, относится к конкретному лицу: приятелю, родственнику, сослуживцу, опекаемому лицу и т. п., – а её вербальной немаркированностью. Так, общаясь с близким человеком, мы называем его (зачастую ещё и с какой-то дополнительной коннотацией) *дорогой, любимая, милая, родной, хорошая моя* и т. п. без указания определяемого, потому что адресату это определяемое по существу уже задано, а тот или иной вариант его лексического выражения адресат мысленно выберет и проставит в соответствующее словосочетание по своему усмотрению. Будет ли это *дорогой брат, друг, коллега, родственничек* или *хорошая моя жёнушка, подруга, сестричка, соседка*.

Вторая причина сочетаемостных ограничений заключается в семантике эмотивных субстантиватов, большинство из которых выражает самое главное, самое существенное с точки зрения обращающегося свойство, а значит, и определение его адресата, не требующее каких-то дополнений. Адресант может, конечно, градуировать свои эмоции и, обращаясь с одному лицу, скажем к женщине, использовать несколько эмотивных субстантиватов: *дорогая моя, единственная, несравненная, очаровательная, хорошая моя*. Но сам по себе ни один из этих субстантиватов в каких-либо определениях – выше на это обращалось внимание – уже не нуждается.

Указанные синтаксические параметры рассматриваемых конструктов вместе с другими их параметрами, в частности морфологическими и семантическими, позволяют квалифицировать эмотивные субстантиваты в качестве особого парадигматического класса слов в лексико-грамматическом разряде существительных.

Библиографические ссылки

1. **Грамматика современного русского литературного языка** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 768 с.
2. **Куварова Е. К.** Типология русского эпистолярного вокатива / Е. К. Куварова. – Д. : Новая идеология, 2014. – 380 с.
3. **Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
4. **Меньшиков И. И.** Подчинительные связи слов в современном русском языке : метод. указания / И. И. Меньшиков. – Д., 1984. – 52 с.
5. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., исправл. – М. : Рус. яз., 1990. – 639 с.
6. **Стариченок В. Д.** Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
7. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса : пер. с фр. / Л. Теньер / редкол. : Г. В. Степанов [и др.]. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
8. **Українська мова** : енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

Надійшла до редколегії 10.12.14